

М.М. Сафонов

«Народ безмолвствует» (А.С. Пушкин, Н.М. Карамзин, А.Ф. Ланжерон)

Как известно, трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» завершается фразой, которая давно уже стала крылатой. Мосальский на крыльце «дома Борисова» восклицает: «Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (*Народ в ужасе молчит*). Что ж вы молчите? кричите: Да здравствует Царь Дмитрий Иоанович!

Народ безмолвствует»¹.

Источник возникновения этой многозначительной фразы, породившей огромную литературу и допускающей диаметрально противоположные толкования², до сих пор точно не установлен. Пикантность ситуации усугубляется тем, что ставшая камнем преткновения ремарка существует только в печатном тексте трагедии, опубликованной в 1831 г. Но ни в одной из дошедших до нас авторских рукописей этой фразы нет. В пушкинском автографе трагедии конец был иным. После фразы Мосальского следует:

Народ

*Да здравствует царь Димитрий Иоанович!*³

То есть, народ не безмолвствует, а провозглашает здравицу Самозванцу.

Виднейший пушкинист М.П. Алексеев досконально изучил хронологию всех этапов создания трагедии и восстановил соответствующую им картину постепенного видоизменения текста. Академик пришел к однозначному выводу: ремарка «народ безмолвствует» органически завершает «авторский текст пьесы» и принадлежит Пушкину. Но когда она «заместила в последней сцене эхо приветственного возгласа Мосальского Самозванцу, никаких документальных данных нет. Поэтому остается только строить догадки на этот счет⁴.

В литературе неоднократно высказывалось мнение, что источником этой пушкинской реплики послужила «История Государства Российского» Н.М. Карамзина, которому поэт посвятил свою трагедию, вдохновленную трудом историографа. В самом деле, в сочинении «Колум-

ба российских древностей» встречаются фразы о безмолвии народа, которые могли бы навеять Пушкину гениальную фразу, завершающую трагедию, но они звучат в иной тональности. Описание суда над Василием Шуйским при Самозванце Карамзин сопровождал такой фразой: «Народ безмолвствовал в горести, издавна любя Шуйских». ⁵ Рассказывая о венчании Бориса Годунова на царство, Карамзин заметил: «Народ благоговел в безмолвствии»; «и молчание народа, служа явною укоризною, возвестило важную перемену: они уже не любили Бориса!»⁶ Контекст, в котором Карамзин употребил фразы о безмолвии народа, не имеет ничего общего с финалом пушкинской трагедии. Поэтому рассматривать карамзинский текст как главный источник реплики автора «Бориса Годунова» можно только с очень большой натяжкой. Гораздо более ощутимую параллель между карамзинским и пушкинским текстами можно было бы усмотреть в следующем фрагменте «Истории государства Российского»: «Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые: *“Да здравствует же отец наш, Государь Димитрий Иоанович!” Другие еще безмолвствовали в изумлении*».⁷ Однако и здесь карамзинское «безмолвие народа» принципиально отлично от пушкинского. Как справедливо отмечал автор монографии о «Борисе Годунове» Б.П. Городецкий, «окончание трагедии в обоих вариантах имеет соответствия в повествовании Карамзина», но «формула “безмолвие народа” в ее “специфической карамзинской трактовке”», т.е. молчание народа является выражением покорности, удивления или печали, а отнюдь не осуждения или гнева, «глубоко отлична» от пушкинской⁸. У Пушкина «безмолвие народа» это — не пассивное молчание, а активное осуждение действий власти, грозный предвестник будущих потрясений.

Очевидно, Пушкин, работая над «Борисом Годуновым» пережил определенную творческую эволюцию. Первоначально он вложил в уста народа здравицу Самозванцу, но в окончательной редакции заменил ее народным безмолвием, таящим в себе грядущую угрозу Лжедмитрию, его гибель. Несомненно, это произошло под воздействием дополнительных источников, Карамзину неизвестных. М.П. Алексеев обратил внимание на еще один круг источников, ранее не попадавших в поле зрения пушкинистов, который мог бы вдохновить Пушкина на создание финала трагедии «Борис Годунов» в большей степени, нежели автор «Истории государства Российского» и русские летописи, которыми пользовался историограф. Академик имел в виду сочинения по истории французской революции 1789 г., оказавшиеся в поле зрения поэта незадолго перед тем, как он начал обдумывать и создавать трагедию о царе Борисе. Алексеев привел множество свидетельств того, что с середины 1820-х гг. до начала 1830-х гг. Пушкин проявлял большой интерес к трудам новейших французских историков. Он из-

учал труды Тьери, Гизо, Баранта, Тьера, Минье. В июне 1831 г. он получил «Историю французской революции с 1789 по 1814 г.» Ф.-А. Минье. Несколько позже в руки Пушкина попало второе издание «История французской революции» А. Тьера, вышедшее из печати в 1828 г. Оба издания пополнили библиотеку поэта. Вполне возможно, что Пушкин был знаком с первым изданием этого труда, опубликованном еще в 1823 г.⁹ В сочинении французского историка автор «Бориса Годунова» прочел рассказ о событиях в Париже 15 июля 1789 г., сутки спустя после взятия Бастилии. В этот день, когда Учредительное собрание собиралась направить депутацию к Людовику XVI, стало известно, что король сам идет в собрание без охраны и свиты. Тогда О.-Г.-Р. Мирабо взял слово и произнес: «Пусть мрачное молчание прежде всего встретит монарха в эту минуту скорби. Молчание народа — урок королям». («Le silence des people est la leçon des rois»).

М.П. Алексеев увидел в этой сентенции сходство с заключительной ремаркой «Бориса Годунова». Исследователь усмотрел некую аналогию в ситуациях — описанной Тьером и представленной Пушкиным в финале пьесы. «Дело происходило, — подчеркнул пушкинист, — в тяжелый, переломный момент жизни государства перед сменой власти; представительная масса народа принимала на себя ответственность за судьбу Франции. Призыв к мрачному молчанию, заключаемый изречением о зловещем и предостерегающем значении безмолвия, играющего роль паузы или своего рода антракта между действиями, полными драматического содержания, которые разыгрываются в самой исторической действительности, — все это довольно близко соответствует “таинственному оцепенению действия”, которым... оканчивается “Борис Годунов”».

Пушкин получил первый том книги, в которой описана эта сцена, уже после того, как «Борис Годунов» бы опубликован. Но поэт, интересовавшийся личностью Мирабо, по мнению М.П. Алексеева, мог быть знаком с его репликой из других источников. Так, в издании сочинений Мирабо, так же сохранившихся в библиотеке Пушкина, был помещен биографический очерк об этом деятеле, написанный М. Мерилью. В нем говорилось, что «до прихода Людовика XVI Мирабо требует, чтобы собрание воздержалось от всяческих знаков неодобрения, поскольку, говорит он, молчание народа — это урок королям». Вместе с тем, академик отметил, что фраза о молчании народа как уроке королям не принадлежала собственно Мирабо. Он лишь воспользовался формулой, оглашенной королевским проповедником Ж. Бове во время похорон Людовика XV «Le silence du people est la leçon des rois». Правда, Пушкин приобрел сочинения Мирабо с биографическим очерком Мерилью пять лет спустя после публикации «Бориса Годунова», но о

сентенции Мирабо, — рассуждал ученый, — поэт мог узнать разными путями. Поэтому академику представлялось «наиболее правдоподобным», что историческая сентенция о безмолвии народа как осуждении власти ассоциировалась у Пушкина с началом французской революции и выступлением Мирабо 15 июля 1789 г.¹⁰

С такой трактовкой трудно согласиться. Аналогичность ситуаций, описанных Тьером и Пушкиным, довольно сильно преувеличена. У поэта осуждение молчанием является ответом народа на кровавую расправу над представителями власти. Ничего подобного у Тьера нет. Поход Людовика в Учредительное собрание, депутатам которого предлагается вынести королю *réprimande* молчанием, никак не связан с цареубийством. Поэтому сближение этих двух эпизодов сильно хромает, не говоря о том, что оно строится на гипотетическом знакомстве Пушкина с литературой, содержащей эти сведения, еще до того, как драма была опубликована.

А между тем, от внимания М.А. Алексеева ускользнуло, что в библиотеке Пушкина была одна французская книга по русской истории, в большей степени, нежели сочинение Тьера, воспроизводящая ситуацию, описанную Пушкиным¹¹, — книга Ж. Кастера «История Екатерины II, российской императрицы». В этом сочинении содержится очень выразительное описание того, как сообщение о низвержении царя встречается народом громовым молчанием. Здесь Пушкин мог прочесть, как Москва отреагировала на известие о низвержении Петра III. (Заметим, тема — близкая поэту, потому что имела отношение к его родословной: один из родственников поэта сохранил верность свергнутому монарху). Кастера пишет: «Alors cet officier lut á houte voix l'oukase par lequle l'impératrice annonçat son avenement et disposition de son epoux, et en finissant sa lecture, il crea: “Vive l'impératrice Catherine Seconde”. Mais le people et le soldats resterent dans le silence. Il recommença le même crie: le même silence fut gardé»¹². Русский перевод: «Тогда этот офицер громким голосом прочитал указ, которым императрица извещала о своем воцарении и низвержении ее супруга. Закончив чтение, он закричал: “Да здравствует императрица Екатерина Вторая”, но народ и солдаты оставались безмолвны. Он повторил свой возглас: то же молчание». Сочинение Кастера — смесь достоверных фактов, почерпнутых из донесений французских дипломатов, и собственных выдумок. Про него можно сказать словами Вольтера: «Souvant un peu de vérité se mêle plus au plus grossier mensonge». Пушкин интересовался переворотом 28 июня 1762 г. не меньше, чем историей французской революции. Поэт сочувствовал свергнутому Петру III. Возможно, он был знаком с книгой Кастера даже раньше, нежели приобрел его книгу для собственной библиотеки. Сочинение французского автора, вышедшее несколько-

ми изданиями (первое еще за два года до рождения поэта) было хорошо известно в России, и, несмотря на то, что было запрещено, широко распространилось в списках¹³. Описание реакции москвичей на воцарение Екатерины не могло не заинтересовать поэта. Из всех отмеченных в литературе «прообразов» заключительной пушкинской фразы «Народ безмолвствует» эпизод из книги Кастера более всего соответствует ситуации, описанной Пушкиным в финале «Бориса Годунова».

И все же есть определенные основания предполагать, что не эта книга подтолкнула творческую мысль поэта к тому, чтобы он заменил в окончании своей пьесы здравницу Самозванцу на «безмолвие народа». В книге Кастера нет упоминания об извещении о смерти царя, в то время как у Пушкина упоминается о гибели жены Бориса с его сыном — гробовое молчание народа является реакцией на это злодеяние. Между тем, существует сочинение близкого знакомого поэта, в котором описана именно такая ситуация. Автор этого сочинения — Андро Ланжерон.

Французский эмигрант на российской службе Л.-А.-А. или по-русски А.Ф. Ланжерон, генерал от инфантерии, херсонский военный губернатор, одесский градоначальник, управляющий гражданской частью в губерниях Херсонской, Таврической и Екатеринославской, а также главнокомандующий бугскими и черноморскими казаками, оставил о себе топографическую память: один из районов Одессы получил его имя¹⁴. Но в русскую культуру этот француз, вошел, если можно так выразиться, совсем с другого подъезда. Как бы ни был велик его вклад в благоустройство Одессы, как бы ни были значительны его военные подвиги во времена Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, чаще всего этого генерала-администратора вспоминают в связи с убийством Павла I, хотя к событиям 11 марта 1801 г. в Михайловском замке этот француз не был причастен. Но он оставил после себя уникальный источник: записки о смерти императора. Они представляют собой напоминающую протокол запись рассказов трех действующих лиц этой трагедии: руководителя антипавловского заговора П.А. Палена, Л.Л. Бенигсена, возглавлявшего отряд заговорщиков, проникших в ту роковую ночь в опочивальню царя, и великого князя Константина, без содействия которого переворот вряд ли бы удался. Сегодня ни одно исследование «серальной революции» 11 марта 1801 г. не обходится без записок Ланжерона. Принято считать этот уникальный документ «важнейшим источником»¹⁵ для воссоздания подлинной картины убийства российского императора. Ему верят почти безусловно. Однако этот «важнейший источник», столь обильно цитируемый благодаря уникальным сведениям, в нем содержащимся, никогда не подвергался источниковедческому анализу. Все писавшие об убийстве Павла I верили Ланжерону, что называется, на слово¹⁶, совершенно не принимая

во внимание тот немаловажный факт, что генерал увлекался драматургией и был автором драматических сочинений¹⁷, среди которых есть и пьеса «Мария Стюарт». А между тем сочинение Ланжерона — не что иное, как литературная мистификация, представляющая собой обвинительный акт против императора Александра I, который фактически обвиняется в том, что дал санкцию на убийство отца¹⁸.

Завуалированная филиппика против императора вполне вписывается в биографию Ланжерона. После Аустерлица Александр, недовольный действиями генерала, потребовал, чтобы тот сам просил увольнения от службы, т.е. фактически выгнал его. Правда, впоследствии назначил француза состоять при армии. После лейпцигской битвы царь обошел наградами Ланжерона в сравнении с другими военачальниками. Наконец, в 1823 г. генерал навлек на себя гнев Александра, и его отстранили от должности. Он был вынужден покинуть Россию и уехать во Францию. Там опальный автор и оставил свои записки¹⁹. Описание убийства Павла — своеобразная «месть» генерала за неожиданно прервавшуюся карьеру.

Записки Ланжерона, написанные на французском языке, были переданы в архив министерства иностранных дел Франции²⁰ и хранятся там и поныне. Впервые они появились в печати в 1895 г. в парижском журнале «Revue Britannique»²¹. В России их обнародовали на русском языке в 1907 г. Они публиковались в первом и втором изданиях сборника воспоминаний об убийстве Павла I²², но еще до публикации были известны историкам и широко использовались ими. В этом сочинении есть такой фрагмент, чтение которого невольно вызывает ассоциации с заключительной сценой пушкинского «Бориса Годунова». Точнее говоря, создается впечатление, что Пушкин, обдумывая финал своей трагедии, имел перед глазами это сочинение. Во фрагменте речь идет о том, что после убийства Павла в Михайловском замке П.А. Пален заставил предававшегося отчаянию сына усопшего императора великого князя Александра Павловича показаться гвардии и представил его Преображенскому полку. Командир полка: «Talitzin crie: “Vive l'empereur Alexandre!” Morn silence de la part des soldats. Les Zoubow s'avancecent, leur parlent et répètent le crie de Talitzin, même silence. L'empereur passa au regiment de Semenovski qui le salue par des hourras, les autres qui vent 1-exemple donné par Semenovski, mais Preobragensky gardait toujours un profond silence»²³. Русский перевод: «Талызин кричит: “Да здравствует император Александр!” — гробовое молчание среди солдат. Зубовы выступают, говорят с ними и повторяют восклицание Талызина, — такое же безмолвие. Император переходит к Семеновскому полку, который приветствует его криками “ура”. Другие следуют примеру семеновцев, но преображенцы по-прежнему безмолвствуют»²⁴.

Надо было обладать гениальностью Пушкина, чтобы переработать этот фрагмент в крылатое: «Народ безмолвствует». Но был ли знаком автор «Бориса Годунова» с записками Ланжерона?

Пушкин близко общался с Ланжероном в Одессе в 1821 и 1823—1824 гг. По словам издателя «Русского архива» П.И. Бартенева, Ланжерон «мучил Пушкина чтением своих стихов и трагедий»²⁵. Поэт никак не мог отделаться от градоначальника, назойливого навязывающего ему свой новый литературный опус — трагедию «Мазаниелло»²⁶. Но в конце 1820-х — начале 1830-х гг. незадолго до смерти Ланжерона их общение было довольно интенсивным. В письмах к Е.М. Хитрово Пушкин упоминает о Ланжероне, как об общем знакомом²⁷. Есть его имя и в списке лиц, которым Пушкин в 1830 г. собирался разослать свои визитные карточки²⁸. Наибольший интерес вызывает упоминание о Ланжероне в «Дневнике» Пушкина. 12 мая 1834 г., три года спустя после смерти француза, Пушкин сделал запись о том, что генерал показывал ему конфиденциальные письма великого князя Александра Павловича, полные негодования правлением своего отца. «Одна фраза меня поразила: — Je vous écrit peu et rarement car je suis sous la hache». («Я вам пишу мало и редко, потому что я под топором»). «Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: Voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout — aussi lui étois je dévoué. Mais à present, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre echarpe»²⁹. («Вот как он мне писал, он обращался со мной как со своим другом, он доверял мне все — зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов развязать мой собственный шарф»). То есть, готов расправиться с ним, подобно тому, как это сделали заговорщики, умертвившие Павла. Из этой пушкинской записки непреложно следует, насколько конфиденциальны были отношения между поэтом и генералом. Очевидно, для них не было запретных тем, и одной из них являлись трагические события в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. При такой близости отношений трудно предположить, что могло удержать Ланжерона от того, чтобы показать Пушкину свои записки об убийстве Павла, если ранее он старался во что бы то ни стало ознакомить поэта с таким посредственным сочинением, как «Мазаниелло», в сравнении с которым эта работа выглядела как подлинный шедевр. И в самом деле, таковым и была, потому что никто из исследователей до сих пор так и не догадался, что имеет дело с литературной мистификацией. Из записки Пушкиным слов Ланжерона явствует, что рассказчик был уверен: Павла удавили шарфом одного из заговорщиков. Пушкин разделял это мнение и даже назвал имя этого убийцы. В дневниковой записи 8 марта 1834 г. есть такие слова: «Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмона цареубийцу Скарятину и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту

входит государь с гр. Бенкендорфом и застаёт наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцей его отца. Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла 1-го»³⁰.

Сведения о том, что Я.Ф. Скарятин был непосредственным убийцей Павла, не соответствуют действительности. Благодаря дневниковой записи К.И. Остен-Сакена, зафиксировавшей свидетельство великого князя Константина, известны имена тех шестерых человек, которые вошли в опочивальню царя в ту роковую ночь. Скарятин среди них не было³¹. Откуда же Пушкин получил эти недостоверные сведения? Они содержатся в записках Ланжерона: «Убийцы не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы удушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф, и через него погиб Павел»³². Ланжерон же извлек эти сведения из анонимной рукописи, опубликованной в 1819 г. Г. Цшокке, которой генерал широко пользовался, составляя свою мистификацию³³. Эти соображения наводят на мысль, что Пушкин был знаком с опусом Ланжерона.

Хотя неизвестно, когда именно Ланжерон показывал Пушкину письма Александра Павловича, записки о смерти Павла он не мог представить ранее 1826 г. В них упоминается, что он записал рассказы заговорщиков в 1826 г., а свел их вместе, соединив разрозненные записки в единый текст, видимо, еще позже³⁴. Если же сопоставить хронологию работы Пушкина над «Борисом Годуновым» и появление записок Ланжерона, то получается следующая картина. Беловой список трагедии собственноручно датирован Пушкиным 7 ноября 1825 г. В сентябре—октябре 1826 г. Пушкин стал готовить рукопись к изданию. Тогда же была сделана писарская копия для представления царю. 14 декабря публикация пьесы в настоящем виде была запрещена. Речь шла о рукописи, заканчивающейся здравием Самозванцу³⁵. В 1829 г. Пушкин возобновил свои попытки напечатать трагедию в полном виде. 28 апреля 1830 г. Николай I дал разрешение на публикацию, и рукопись была опубликована в том виде, который придал ей Пушкин для издания³⁶. В ней, хотя сама эта рукопись до нас не дошла, «народ безмолвствовал». Таким образом замена здравия Самозванцу на осуждающее молчание народа произошла уже после того, как были созданы записки Ланжерона об убийстве Павла. Наконец, еще один аргумент в пользу того, что сочинение генерала послужило толчком к созданию крылатой фразы Пушкина. Одна из главных идей «Бориса Годунова» заключается в следующем. Власть, полученная посредством кровавого преступления, обречена на гибель в силу нравственных законов природы, а безмолвие народа в ответ на известие о том, что это преступление совершено, является выражением этой закономерности. Мысль Карамзина — «казнь небесная угрожала царю-преступнику»³⁷ — была очень близка Пушкину, а после неожиданной смерти Александра I в Таганроге, она как бы

получила реальное историческое подтверждение. Если внимательно прочитать записки Ланжерона как завуалированную филиппику против Александра, то нетрудно заметить, что в основе их лежит та же идея. Александр, давший согласие на убийство отца, тем самым обрек себя на гибель. Гробовое молчание («morn silence») преобразенцев это — нравственный смертный приговор сыну Павла I. Сходство идей генерала и поэта очевидно. Различие же в несопоставимости масштабов талантов того и другого.

Предложенная гипотеза позволяет пролить свет на источники пушкинской реплики «народ безмолвствует», но для ее доказательства необходимо найти неоспоримое документальное свидетельство знакомства Пушкина с опусом Ланжерона.

Примечания

- ¹ Борис Годунов, сочинение Александра Пушкина. СПб., 1831. С. 142.
- ² См. подробно: *Алексеев М.П.* Реплика Пушкина «Народ безмолвствует» // Пушкин. Л., 1972. С. 208—223, 227—228.
- ³ Сочинения А.С. Пушкина. Т. II. СПб., 1880. С. 411; *Богаевская К.П.* Пушкин в печати за сто лет (1837—1937). М., 1938. С. 18—19.
- ⁴ *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 225.
- ⁵ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. VII. С. 476. [Л.], 1935.
- ⁶ *Городецкий Б.П.* «Борис Годунов» в творчестве Пушкина // «Борис Годунов». Л., 1936. С. 39—40.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Городецкий Б.П.* Драматургия Пушкина. М.:Л., 1953. С. 177—178.
- ⁹ *Алексеев М.П.* Указ. соч. С.232—233.
- ¹⁰ Там же. С. 233—236.
- ¹¹ *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 185.
- ¹² *Casterat J.* Vie de Catherine, II, l'impératrice de Russie. T. I. Paris, [1797]. P. 272.
- ¹³ См. подробно: *Сомов В.А.* эпохи Просвещения Французская «Россика» и русский читатель // Французская книга в России XVIII в. Л., 1986. С. 213—221.
- ¹⁴ О А.Ф. Ланжероне см. подробно: Ланжерон Людовик-Александр-Андро // Русский биографический словарь. Лабзина-Лященко. СПб., 1914. С. 60—65.
- ¹⁵ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М., 1982. С. 180, 180.
- ¹⁶ В первую очередь это относится к Н.Я. Эйдельману, который обильно цитировал француза. (*Эйдельман Н.Я.* Указ. соч.. С. 192, 195, 202, 203, 244, 249—250, 253, 255, 257, 260, 273, 279, 293, 311, 314, 315, 317, 218, 322, 323, 328, 329.
- ¹⁷ Ланжерон Людовик-Александр-Андро. С. 65.
- ¹⁸ См. подробно: *Сафонов М.М.* Андро Ланжерон и убийство Павла I // Россия — Франция. Alliance культур. Материалы XXII Царскосельской научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2016. С. 162—180.
- ¹⁹ Ланжерон Людовик-Александр-Андро. С. 61, 63, 64.
- ²⁰ *Брикнер А.Г.* О сочинениях гр. Ланжерона, хранящихся в парижском архиве // Русские ведомости. 1895. № 195, 204; Сборник Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. 677.

- ²¹ La mort de Paul 1-er. D'après les memoires inédits de Langeron. (11 mars 1801) // Revue Britannique. 1895. № 7. Juillet. P. 59—79.
- ²² Из записок графа Ланжерона // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 173—197.
- ²³ La mort de Paul 1-er. P. 76.
- ²⁴ Там же. С. 193.
- ²⁵ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 217.
- ²⁶ *Де-Рибас А.* Пушкин и Ланжерон-драматург // Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 2. Одесса. 1926. С. 32—40.
- ²⁷ Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. С. 8, 59—62.
- ²⁸ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты Пушкина. М.; Л., 1935. С. 322; Русский архив. 1895. № 10. С. 148; 1912. № 7. С. 407.
- ²⁹ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1954. С. 34.
- ³⁰ Там же. С. 25—26. П.И. Бартенев полагал, что Пушкин был очевидцем этого разговора (*Бартенев П.И.* Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. № 12. С. 313). Однако П.И. Бартенев указывает Аничков дворец как место действия, в то время как Пушкин пишет, что курьезный разговор имел место на бале у Филькемона.
- ³¹ . «Наши руки обагрились кровью не из корысти...» (В.М. Яшвилль — участник дворцового переворота 11 марта 1801 года) // Грузино-российские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 252.
- ³² Из записок графа Ланжерона. С. 189.
- ³³ Zur Geschichte der Verschwörung gegen Paul I und der Tronbesteigung Alexander I // Uberlieferungen zur Geschichte unseres Zeit Gesammelt von Heinrich Zschokke. Jahrgaug 1819. Juli bis Dezember. Aarau. S. 348.
- ³⁴ Из записок графа Ланжерона. С. 175.
- ³⁵ *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 224.
- ³⁶ Там же С. 224—226.
- ³⁷ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Полное издание в одном томе. М., 2011. С. 1037.